

ДРЕВНЕРУССКИЕ КНИЖНИКИ О БЕГСТВЕ КНЯЗЕЙ ОТ ТАТАР

«Бѣгун перед врагом и храняка — царь великий христиански пред бусурманским волком», — именно так аттестовал Ивана Грозного его оппонент князь Андрей Михайлович Курбский¹. В 1571 г. Иван Васильевич по сути отказался оборонять Москву от крымского хана Девлет-Гирея и бежал на север, чем и вызвал столь негативную характеристику со стороны Курбского. Впрочем, как полагает Б. Н. Флоря, «царь не хуже Курбского знал, что подобное поведение недостойно “великого христианского царя”»².

В реальности любой правитель может использовать различные модели поведения перед лицом надвигающегося врага: оказать сопротивление, проявить покорность или же попросту бежать. В разных ситуациях русские князья поступали по-разному. Впрочем, бегство перед лицом татарской угрозы было весьма распространенным явлением: на протяжении нескольких столетий, начиная от оставления князьями стольных городов во время нашествия Батые в 30-е годы XIII в. и заканчивая «отъездом» из Москвы Ивана Грозного, русские князья активно прибегали к такому способу самосохранения.

При этом в отличие от других врагов, от которых князьям приходилось время от времени бегать, татары являлись, если можно так выразиться, постоянно действующей угрозой, причем на протяжении весьма длительного отрезка времени — с 30-х годов XIII в. до конца XVI в. Конечно, «татарская угроза» со стороны полчищ Батые отличалась от «татарской угрозы», исходившей от крымцев Девлет-Гирея. Тем не менее русские книжники и тех, и других считали «татарами», и это обстоятельство позволяет нам рассматривать отношения с ордынцами разных исторических эпох как некое развивающееся целое, как некую историю с продолжением. По меткому определению А. С. Демина, ордынцы, или «татары», были «самой главной, самой больной и повседневной темой» русских средневековых книжников³.

Как оценивалось бегство князей от татар в среде древнерусских книжников, из-под пера которых и вышли письменные произведения, позволяющие судить об умонастроениях той эпохи?

Понимание этого позволит не только более точно представить восприятие поступков отдельных князей, среди которых — ключевые фигуры своего времени (Даниил Романович Галицкий, Михаил Всеволодович Черниговский, Дмитрий Иванович Московский (Донской), Иван Грозный и многие другие), но и даст возможность проследить, как в тот или иной период времени менялись представления о функциях княжеской власти на Руси.

*** **

Если верить наиболее ранним из дошедших до нас рассказов о нашествии Батые, князья весьма редко проявляли себя в качестве организаторов «героического сопротивления» захватчикам. Скорее, наоборот. Весьма показательным, что в момент нашествия ни один из наиболее сильных на то время князей не возглавил оборону своих столиц, предпочтя «отъезд» подальше от театра военных действий⁴.

Уезжают из столицы, например, Даниил Галицкий, который бежит в «Ляхы», и Михаил Черниговский, который «бѣжа передь татары Оугры», «иже за страхъ татарьскыи не смѣ ити

¹ Андрей Курбский. Истории о великом князе Московском // Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. 31. С. 269.

² Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 264–265. Как заметил Р. Г. Скрынников, «бегство царя с поля боя произвело на армию тягостное впечатление» (Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 426).

³ Демин А. С. «Языци»: Неславянские народы в русской литературе XI–XVIII вв. // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 190. Ср. например: Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 6-е, испр. М., 1956. С. 213, 305–306; Кусков В. В. История древнерусской литературы. Изд. 5-е, испр. и доп. М., 1989. С. 139, 176–177.

⁴ Это обстоятельство, вероятно, сыграло свою роль в том, как быстро татарам удалось разгромить русские княжества: «Русь нельзя было покорить и поработить, не уничтожив ее города» (Рапов О. М. Русские города и монгольское нашествие // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 80).

Киевоу».⁵ В итоге Киев, за который вплоть до самого нашествия велась ожесточенная борьба между виднейшими представителями клана Рюриковичей, перед лицом Батыевых орд вообще остался без князя: убегая, Даниил успел назначить вместо себя посадника Дмитра, который и руководил обороной, причём весьма неплохо⁶. Даниил же после взятия Киева татарами долго не смел возвращаться в город⁷.

Среди бежавших от татар, судя по всему, мог быть и великий князь владимирский Юрий Всеволодович — тот самый, который участвовал в столкновении с ордынцами на реке Сити. Если по поводу отъезда князя владимирский летописец высказался вполне нейтрально («выѣха из Володимеря в малѣ дружинѣ», «ѣха на Волъгу», оставив в городе жену и сыновей⁸), то новгородский книжник выразился более определенно: « выступи изъ Володимеря и бѣжа на Ярославль »⁹ (здесь и далее в цитатах курсив мой. — В. Р.).

Традиционно отъезд Юрия Всеволодовича из хорошо укрепленного Владимира объясняется либо желанием «собрать полки» и дать чуть ли не генеральное сражение татарам¹⁰, либо тем, что он «решил применить самую известную впоследствии русскую тактику затягивания противника вглубь страны»¹¹. Но эти трактовки опираются лишь на сравнительно позднее и весьма предвзятое по отношению к своему князю сообщение владимирской (Лаврентьевской) летописи (80-е годы XIII в. — 1305 г.)¹². Однако есть на этот счет и другие точки зрения. Например, как полагал В. В. Каргалов, «о том, чтобы Юрий остался и оборонял город, не было и речи — настолько силен был страх перед татарами»¹³.

Более раннее известие о нашествии Батяга содержится в рассказе южнорусской Ипатьевской летописи (середина XIII в.)¹⁴. О Юрии Всеволодовиче в ней сообщается вполне нейтрально, но при этом о сражении на Сити не упоминается вовсе: Юрий оставил сына и княгиню во Владимире, а сам «изииде изъ града и совокоупляющоу емоу около себе вои». Но при этом он не имел «сторожи». Поэтому был окружен («изъѣханъ») Бурундаем, который «всь городъ изогна и самого князя Юрия оубиша»¹⁵.

Между тем сдержанность рассказа Ипатьевской летописи особенно выделяется на фоне сообщения Новгородской первой летописи старшего извода (50-е годы XIII в. — 1330 г.)¹⁶.

⁵ ПСРЛ. СПб., 1908 (репринт — М., 1998). Т. 2. Стб. 782—783. По словам Г. П. Федотова, Михаил «не обнаружил героизма во время опасности: он бежал, оставив без обороны Киев» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 95).

⁶ Как сообщает Ипатьевская летопись, попавшего в плен Дмитра Батый, «моужьства ради его», приказал оставить в живых (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782—783, 785, 787—788).

⁷ «Данилови же рекошу: “яко не добро намъ стояти сде близъ воюющихъ нас иноплемьникомъ”, иде в землю во Омазовскоую ко Болеславоу сынови и вдасть емоу князь Болеславъ градъ Вышегородъ и быс тоу дондеже вѣсть прия, яко сошли соуть и земль Роуское безбожнии и возвратиса в землю свою» (Там же. Стб. 787—788).

⁸ ПСРЛ. Л., 1927 (репринт — М., 1997). Т. 1. Вып. 2. Стб. 461.

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (репринт — ПСРЛ. М., 2000. Т. 3). С. 75.

¹⁰ О надежде на то, что Юрий, «собрал войско, успеет спасти отечество и столицу», писал еще Н. М. Карамзин. Впрочем, он же в другом месте отмечал, что князь «по безрассудной надменности допустил татар до столицы, не взяв никаких мер для защиты государства» (курсив мой. — В. Р.)» (Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. 2—3. С. 510; М., 1992. Т. 4. С. 8). Позже точка зрения о том, что на Сити произошло одно из важнейших событий, связанных с борьбой с татарами, попала в большинство учебников истории.

¹¹ Хрусталева Д. Г. Русь от нашествия до «ига». 30—40 г. XIII в. СПб., 2008. С. 106—108.

¹² Текст был создан не позже 1305 г., когда появился протограф Лаврентьевской и Троицкой летописей, но, возможно, и ранее — в 80-е годы XIII в. См. подробнее: Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV века // ТОДРА. . Л., Т. 29. 1974. С. 66—67. Ср.: Прохоров Г. М. Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 244.

¹³ Каргалов В. В. Русь и кочевники. М., 2008. С. 149.

¹⁴ В этом месте Ипатьевская летопись передает текст галицкого летописца. См. подробнее: Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 270—274.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779.

¹⁶ Разброс датировок летописного рассказа весьма велик: от 1255 до 1330 г. Ср.: Тихомиров И. А. О сборнике, именуемом Тверской летописью // ЖМНП. 1876. Декабрь. С. 271; Бородихин А. Ю. Цикл повестей о нашествии Батяга в летописях и летописно-хронографических сводах XIV—XVII вв. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1989. С. 72—73, 115; Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 69—70.

Новгородец писал о гибели Юрия весьма нелестно: упомянув, что Юрий «бежал на Ярославль», летописец замечает, что татары «погнашася по Юрьи князи», он же, узнав об этом, «начал полкъ ставити около себе». Но «не успѣвъ ничтоже», опять «побѣже», в результате чего оказался на реке Сити: здесь его настигли, «и животь свои сконча ту». «Богъ же вѣсть, како скончася: много бо глаголють о немъ инии»¹⁷, — заметил книжник не просто без всякого сожаления, но и как будто намекая на какие-то не слишком украшающие князя подробности его гибели. Интересно, что сведения Новгородской первой летописи старшего извода согласуются с данными персидского историка Рашид-ад-Дина (начало XIV в.), который, подробно описывая события нашествия, известную нам еще из школьных учебников «битву» на Сити даже не упоминает. По его данным, имела место погоня за убегавшим Юрием: «эмир этой области Ванке Юрку (Юрий. — В. Р.) бежал и ушел в лес: его также поймали и убили»¹⁸.

Важно при этом, что даже в рассказе Лаврентьевской летописи Юрий Всеволодович показан вовсе не героем борьбы, а сторонником, если можно так выразиться, «непротивления». Так, в уста великого князя вкладывается фраза о том, что он — «новый Иов быс терпѣнием и вѣрою». По справедливому замечанию Я. С. Лурье, «едва ли можно говорить об “активной антитатарской тенденции” рассказа 1237–1240 г. Лаврентьевской»; основная его тема — отчаяние, «страх и трепет», покорность перед Божьими казнями и «напастями», дающими право «внити в царство небесное»¹⁹.

Видимо, именно «новый Иов», а не «князь-защитник» являлся «идеалом человека в понимании автора Лаврентьевской»²⁰. В рамках этой «непротивленческой» парадигмы, судя по всему, действовали и оставленные во Владимире сыновья великого князя, которые, по версии Лаврентьевской летописи, изначально хотели принести себя в качестве добровольной жертвы, выйдя за ворота к татарам. «Си вся наведе на ны Богъ грѣх ради наших, — заявили князья накануне решающего штурма, — яко ж пророкъ глаголет: “Нѣс(ть) человеку мудрости, ни е(сть) мужства, и ни ес(ть) думы противу Господиви, яко Господеви годѣ быс(ть), тако и быс(ть)». Буди имя Господне благословенно в вѣкы»²¹. Однако воевода Петр не дал «воли ихъ быти». Татары вскоре взяли город, Всеволод и Мстислав бежали, но оказались «убиты внѣ града», а Владимир подвергся разорению²².

Все эти обстоятельства заставляют с большой осторожностью относиться к интерпретации отъезда Юрия Всеволодовича из Владимира как подготовке к сражению с татарами, а в самом столкновении на Сити видеть заранее спланированную военную акцию князя. По крайней мере, источники, которым вполне можно доверять, как было показано выше, позволяют предположить и обратное.

¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 76. «Новгородский летописец, который в своем рассказе о событиях 1237–1238 годов относится к Юрию непочтительно, бросал тень сомнения на обстоятельства его смерти, — писал в свое время Дж. Феннел. — Такого рода догадок об исходе битвы на Сити трудно избежать, когда собственный летописец Юрия столь поразительно избегает подробностей: легко предположить, что он пытался скрыть какие-то, возможно неприятные обстоятельства того, что в действительности произошло» (Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 120–121).

¹⁸ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 39. См. также: Хрусталева Д. Г. Русь от нашествия до «ига». 30–40 г. XIII в. С. 120–130.

¹⁹ Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV века. С. 63. С мнением Я. С. Лурье согласен и А. Ю. Бородин (ср.: Бородин А. Ю. Цикл повестей о нашествии Батые в летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. С. 80).

²⁰ См. подробнее: Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009. С. 70–74.

²¹ ПСРМ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 462.

²² См. подробнее: Рудаков В. Н. Сыновья великого князя во время осады Владимира: к проблеме восприятия борьбы с монголо-татарами в летописании // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998 г. М., 1998. С. 191–193.

Конечно, с точки зрения современного человека, бегство, а тем более князя, руководителя войска, — поступок, граничащий с предательством общих интересов, который трудно оправдать тактическими или же стратегическими соображениями. Отступление само по себе воспринимается крайне негативно. Вспомним хотя бы, сколь трудным было решение о сдаче Москвы в 1812 г., или то, как оценивалось в общественном сознании отступление Красной Армии в первые годы Великой Отечественной войны. В глазах современников такие отступления могли быть оправданы главным образом лишь последующими контрнаступлениями. Бегство же (да еще и военачальника!) — тем более, если затем не последовали триумфальное возвращение и разгром врага, — и вовсе рассматривалось и рассматривается до сих пор как проявление трусости и недолжного исполнения своих воинских обязанностей.

Можно ли говорить о том, что древнерусские книжники воспринимали бегство князей точно так же, как и историки Нового и Новейшего времени?

Ответ на этот вопрос весьма непрост.

Некоторое время назад венгерский исследователь И. Долманьош выдвинул гипотезу, согласно которой отъезды русских князей из столиц были проявлением особой воинской тактики — так называемых «регифугий» (от лат. «regifugia» — букв. «бегство царя»). Согласно законам этой «тактики», монарх в случае возможной осады столицы якобы просто обязан был совершить «регифугию» и уехать собирать войска вне досягаемости врага. Как полагает И. Долманьош, это было продиктовано тем, что «личная безопасность князя являлась главным залогом безопасности государства», и по этой причине и подданные, и сам князь рассматривали бегство как способ обеспечения этой самой «госбезопасности». В результате, как писал исследователь, «наступило время великих побегов» и даже «возник обычай нахождения князя в бегах»²³.

Однако в историографии более распространено мнение, что именно борьба с врагом (а вовсе не спасение себя самого) являлась одной из важнейших функций князя. «Князь вооруженной рукой должен был оберегать землю, где княжил»: как полагает И. Я. Фроянов, «военная функция князей на Руси была едва ли не самой главной, требовавшей от князя наибольшей отдачи энергии»²⁴.

Попробуем разобраться, что думали сами древнерусские книжники о бегстве князей.

Вполне определенно можно утверждать, что с позиций того времени бегство князя (по крайней мере, с поля боя) также не были проявлением образцового поведения. В связи с этим достаточно указать, пожалуй, на первое из дошедших до нас упоминаний о княжеском бегстве. Вернее — о невозможности такого бегства. Речь идет о летописной статье, датированной 971 (6479) г. в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), рассказывающей о походе князя Святослава на «греки». Летописец сообщает, что, увидев войско противника, «Русь убоишася зъло». В этой ситуации князь призывает войско «не посрамить Русской земли»: «Аще ли побъгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убъжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». Речь Святослава возымела действие: воины решили биться до конца, в итоге бежать пришлось «грекам»²⁵.

Таким образом, мы имеем весьма красноречивое свидетельство того, что, по крайней мере, начиная с X в. бегство с поля боя приравнивалось к «сраму» — поведению постыдному и недостойному. Наоборот, отвага и сопротивление врагу входили в число воинских добродетелей,

²³ См.: Долманьош И. Политика личной безопасности и военной защиты великих русских князей в средневековье: Русские аналогии некоторым европейским «регифугиям» // Etudes historiques hongroises 1985 publies à l'occasion du XVI Congrès international des Sciences Historiques par le Comité National des Historiens Hongrois. Budapest, 1985. Bd. 1. С. 152–172. К этой точке зрения склоняется и ряд отечественных исследователей. См. также: Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...» Личности и ментальности русского средневековья. М., 2001. С. 127; Сусенков Е. И. Русско-монгольская война (1237–1241 гг.) Томск, 2006. С. 62.

²⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 34–38. Ср.: Пресняков А. Е. Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 403–404.

²⁵ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 33.

причем как самого князя, так и его воинов: «любить князь воина, стояшта и борющагося съ врагы, и овогда убо уязвляюшта, овогда же уязвляема, паче бѣгаюштяго и оружие помештюштаго»²⁶.

Более того, есть основания полагать, что со временем к бегству начинают относиться не просто как к проявлению недостойного поведения, но как к признаку «нечестивости» и греховности того, кто бежит.

Можно, например, вспомнить другой случай бегства — знаменитое бегство Святополка после поражения на реке Альте в 1019 (6527) г.: «К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти на кони, и несяхуть и на носилѣхъ... онъ же глаголаше: “Побѣгнѣте со мною, женуть по насъ”. Отроци же его всылаху противу: “Еда кто женеть по насъ?” И не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимъ. Он же в немощи лежа, и въсхопивъся, глаголаше: “Осе женуть, о женуть, побѣгнѣте!” Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа Лядскую землю, гонимъ Божию гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свои в томъ мѣсте»²⁷.

А под 1093 (6601) г. читаем о бегстве князей от половцев. Как пишет составитель ПВЛ, «побѣгоша наши пред иноплемьники, и падаху язвени предъ врагы нашими, и мнози погыбоша, и быша мертви». Летописец видит в этом промысел Божий: по его мнению, «се бо на ны Богъ попусти поганья, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули от злыхъ дѣлъ». Само бегство, полагает книжник, есть признак Божьего гнева: «Якоже пророкъ глаголаше: “Падете пред врагы вашими, поженуть вы ненавидящи вас, и побѣгнете, никому женущю вас”»²⁸.

Несмотря на различие описанных ситуаций, общее, что объединяет оба рассказа, — это бегство князей, когда никто за ними не гонится. Как показал И. Н. Данилевский, данный образ восходит к текстам Священного Писания, которыми активно пользовались древнерусские летописцы²⁹. В частности, речь идет о цитате из Книги Левит в той ее части, где говорится о наказаниях за неисполнение заповедей Божиих: «Аще ли не послушаете меня и не сътворите повелѣний моихъ сихъ и супротивитесь мнѣ... падете пред враги вашими, и поженуть вы ненавидящи васъ, и побѣгнете не гоними никим же... оставльшим от васъ вложу страхъ въ срдца ихъ, въ земли — врагъ ихъ, и поженеть их гласъ листа летяща, испровѣргнут яко бѣгающим от рати, и падуть никим же гоними»³⁰. А также — о Притчах Соломоновых, где прямо сказано: «бѣгаеть нечестивый ни единому же гонящу, праведный же яко лѣвъ надѣяся»³¹.

Таким образом, эти рассказы вполне можно интерпретировать как описания бегства людей «нечестивых», не соблюдавших Божии заповеди.

Означает ли это, что книжники ко всем случаям бегства относились именно с этих позиций? Судя по всему, нет: именно поэтому указание на то, что князь бежал, когда за ним никто не гнался, вполне можно считать своеобразным маркирующим средством, означающим, что перед нами бегство, которое книжник однозначно осуждает.

Наиболее показательный пример того, что не всякое бегство князя в глазах книжников является предосудительным, — рассказ одной из ранних редакций житийной Повести о Михаиле Черниговском (относится к 70-м годам XIII в.³²). Автор этого агиографического произведения — человек, в задачи которого по определению не входила компрометация своего героя, — написал о бегстве князя во время нашествия Батые чуть ли не как о само собой разумеющемся факте:

²⁶ Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. Т. 1. С. 587–588 (Л. 216–216 об.).

²⁷ Повесть временных лет. С. 63–64.

²⁸ Там же. С. 93–94.

²⁹ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) М., 1998. С. 350.

³⁰ Лев. 26: 14–17, 36 (Острожская Библия (факсимильное издание). М., Л., 1988. Л. 131).

³¹ Притч. 28: 1 (Острожская Библия. Л. 644).

³² Так называемая «редакция отца Андрея» составлена, судя по всему, в Ростове (см.: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 115–117; Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X — нач. XX вв. Сб. научных трудов. М., 1990. Вып. 1. С. 29–30).

«Михаилу же бѣжавшию во Оугры, инии же бѣжаша в земли дальни... инии же крѣяхоуся в горахъ и въ пещерахъ и в пропастьехъ и в лѣсѣхъ»³³. Судя по всему, это было массовое явление.

Про бегство князей (и не только) перед лицом татар говорил и владимирский епископ Серапион (те же 70-е годы XIII в.). При этом в своих поучениях он не только констатировал факт массового бегства князей, но и точно указывал причину такого поведения — страх: «Князии нашихъ, воеводъ крѣпость ищезе, храбрии наша, *страха наполъньшеся, бѣжаша*»³⁴. Причина этого страха, по мнению книжников того времени, — людские грехи, из-за которых, собственно, Господь насылает казни, в том числе и в виде нашествия «иноплеменных». «Отъя Господь у насъ силу, а недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи в нас за грѣхы наша», — писал по этому поводу автор рассказа о нашествии Батыея, дошедшего до нас в Новгородской первой летописи старшего извода³⁵. Этот страх и спровоцированное им бегство — сами по себе наказания за грехи, давал понять книжник.

Нетрудно заметить, что в ситуации нашествий, воспринимаемых как наказание всей Русской земле за грехи (а именно с этих позиций оценивают события и авторы летописных текстов, и тот же Серапион Владимирский³⁶), книжники старались избегать личностных оценок конкретных князей. Бегство воспринималось как проявление коллективной греховности перед Богом, так сказать, «всеобщей провинности» перед Ним. Не исключено, что в данном случае книжники исходили из идей, содержащихся в 43-м Псалме, повествующем о казнях, насылаемых провинившемуся перед Господом народу (а не конкретному человеку!): «Нынѣ же отрину и посрамилъ еси нас и не изыдеши Боже в силах наших, възвратилъ еси насъ при вразѣхъ наших и ненавидящей насъ расхыщаху себѣ, далъ еси насъ яко овця снѣди и въ языцѣхъ разсѣя ны еси»³⁷.

Помимо этого, мягкость в оценках князей может быть объяснена еще рядом обстоятельств. Например, тем, что многие из бежавших князей (Юрий Всеволодович Владимирский и Михаил Всеволодович Черниговский) впоследствии погибли, приняв мученическую смерть, — и, тем самым, в соответствии с представлениями того времени, искупили свои прежние прегрешения. Или тем, что книжник в своей работе руководствовался вполне конъюнктурными соображениями, не желая осуждать поступки «своих» князей. Ведь круг читателей литературных произведений того времени был весьма ограничен: судя по всему, это были князья — прямые потомки героев летописных рассказов, а также представители высшей знати³⁸.

³³ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. С. 55, 64. Ср.: «И цари земьстини и велможа и тысящници крѣпцини и богати и всякъ рабъ и всякъ свободный съкрышася в пещерахъ и в камени горстѣмь. И глаголють горамъ и каменю, падѣте на нас и покройте ны от лица Сѣдящаго на престолѣ и от гнѣва Агньча яко приде день Господень великий гнѣва Его; и кто может стати?» (Откр. 6: 15–17) (Геннадиевская Библия // Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе в 10 томах. М., 1992. Т. 8. С. 445).

³⁴ «Слова» Серапиона Владимирского // ПЛДР: XIII век. М., 1981. С. 448. Время составления поучений — 70-е годы XIII в. См.: *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. С. 86–88.

³⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 75. Кстати, примерно так же рассуждали книжники, описывая бегства князей от половцев (см., например: *Повесть временных лет*. С. 73, 74, 93, 94). Ср.: «Егда изрите обстоимъ Иерусалимъ вои тогда разоумѣте яко приближися запустѣние емоу тогда соушеи въ Иудее да бѣгають в горы и иже посредѣ его да не исходятъ и иже на странахъ, да не входятъ въ нь, яко дние отмщенію си соутъ, яко исполнитися всемоу писанному горе же имоущимъ въ ютробѣ и доящимъ в ты днии. Боудет бо бѣда велиа на земли и гнѣвъ на людехъ сихъ, и падѣтъ въ остри мечя, и плѣнени боудутъ въ вся языки, и Иерусалимъ боудеть попираемъ языки, дондеже скончуются времена языкъ, и боудутъ знамена въ солнци и луни и звѣздахъ и на земли тоуга языкомъ, и от нечаяния шоума морскаго и възмоущения издыхающемъ чловѣкомъ, от страха и чаанія грядущихъ на вселенную силы бо небесныя подвигнуотся и тогда оузрять Сына Чловѣчска, грядуща на облацѣхъ съ Силою и Славою многою. Начинающемъ же симъ быти, възклонитесь и въздвигнуоте главы ваша зане приближается избавление ваше» (Лк. 21: 20–28) (Геннадиевская Библия // Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе в десяти томах. Т. 7. С. 275).

³⁶ *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. С. 88–101.

³⁷ Ср.: «ныне Ты отринул и посрамил нас, и не выходишь с войсками нашими; *обратил нас в бегство от врага*, и ненавидящие нас грабят нас; Ты отдал нас, как овец, на съедение и рассеял нас между народами» (Пс. 43: 11–12) (Геннадиевская Библия // Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе в десяти томах. М., 1997. Т. 4. С. 129).

³⁸ См.: *Конявская Е. А.* О «границах» древнерусской литературы (летописи: писатель и читатель) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2003. № 2 (12). С. 79. Т. А. Вилкул даже предложила специальный термин — «князецентризм летописания», позволяющий, по ее мнению, описать уровень прокняжеской тенденциозности летописных источников того времени (см.: *Вилкул Т. А.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009. С. 330).

Более персонифицированным отношение к бегству князей становится при описании их «отъездов» в последующий период: ведь бегство было весьма распространенной формой поведения князей не только во время масштабного нашествия Батые, но и перед лицом локальных ордынских набегов.

Весьма показательным в этом смысле отношение к поступку брата Александра Невского — Андрея Ярославича, которого традиционно принято считать проводником иной, чем была у Александра, линии поведения в отношении Орды³⁹. Как сообщает Лаврентьевская летопись, в 1252 г. «иде Олександръ князь Новгородский Ярославич в татары и отпустиша и с честью великою, давшие ему старѣшинство во всей братии его». В тот же год брат Александра Андрей (который за три года до этого по ярлыку, выданному от имени великого каана в Каракоруме, «сѣде в Володимери на столѣ») вместе с другим своим братом Ярославом, наоборот, отказался служить ордынским властям. «Здума Андрѣи князь(ь) Ярославич с своими бояры бѣгати, нежели цесаремъ служити и побѣже на невѣдому землю со княгинею своею и с боары своими и погнаша татарове в слѣдъ его и постигоша и оу города Переаславля»⁴⁰, — отметил летописец.

Не исключено, что в рассказе о бегстве Андрея Ярославича начинает проглядывать некоторая ирония летописца по поводу поведения князя, который решил «бѣгати, нежели цесаремъ служити», скрывшись при этом «на невѣдомой земле». Тем более что спустя несколько лет князь Андрей вынужден был вернуться из «бегов», съездил вместе с братом Александром в Орду и... продолжил службу татарам⁴¹. Но в целом в отношении князей, бежавших перед лицом нашествий татар, никаких осуждающих (даже косвенно) ноток книжники в этот период себе не позволяли.

Изменение отношения к бегству князей проявляется в более поздний период, в частности, это заметно на материале летописных рассказов о нашествии Тохтамышша. В 1382 г. победитель Мамаю Дмитрий Донской отказывается воевать с «самим царем» Тохтамышем и бежит из Москвы: «слышавъ, что самъ царь идетъ на него съ всею силою своею, не ста на бои противу его, ни подня руки противу царя, но поеха въ свои градъ на Кострому»⁴².

³⁹ Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006. С. 239–240; Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1974. С. 11–113; Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., 2007. С. 119; Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.) М., 2000. С. 209–210; Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 57–60; Хрусталев Д. Г. Русь от нашествия до «ига». 30–40 г. XIII в. С. 262–265.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 472–473.

⁴¹ В 1257 г. Андрей вместе с Александром ездили в Орду «читать» хана Улагчи. См. подробнее: Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 28–29.

⁴² ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143–144. Исследователи, обращая внимание на неоднократные указания источников на царскую титулатуру Тохтамышша (в отличие от Мамаю, которого на Руси воспринимали в качестве «князя», по всей видимости, узурпатора «царства»), полагают, что отказ великого князя от открытого столкновения с ордынским ханом был связан с нежеланием вассала (Дмитрия) «биться» со своим сюзереном (Тохтамышем). См. подробнее: Юрганов А. Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991. С. 61–62; Горский А. А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 207–208. В отличие от ситуации 1380 г., когда «борьба шла против Мамаю, могущественного, но темника», в 1382 г. «требовалось бороться с чингизидом, законным ханом, которому русские князья приносили вассальную присягу, и которую они и по правовым, и по моральным нормам тех времен обязаны были соблюдать» (Кучкин В. А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 77). Характерная деталь: как и владимирский князь Юрий Всеволодович, Дмитрий Иванович уехал в весьма отдаленный уголок своих владений. Если Юрий отправился из Владимира в сторону Ярославля, то Дмитрий — из Москвы в Кострому. Достаточно взглянуть на карту, чтобы предположить: и в 1238, и в 1382 г. место для сбора сил было выбрано весьма неудачно — слишком далеко и от противника, и от основных ресурсов. Такого рода отъезд еще больше становится похожим именно на бегство, если учесть, что и Юрий, и Дмитрий фактически оставили свои столицы беззащитными. Получается, что они пожертвовали главными городами своих земель (весьма укрепленными, между прочим, и способными при умелой организации обороны выдержать длительную осаду) ради сомнительной перспективы собрать не совсем понятно какие войска в сотнях миль от зоны боевых действий! При этом нам не известно ни об одном серьезном сражении, выигранном на Руси подобным образом: никто из князей, уезжая якобы собирать войска, не добивался (да и не пытался добиться!) результата. В этом смысле нельзя согласиться с мнением И. Доманьоша, писавшего, что «Дмитрий, скрепя сердце, на время отменил личную оборону крепости и вместо этого избрал отступление в дальние северные области, предпочитая костромской побег для собирания свежих сил, чтобы обезопасить себя при возвращении» (Доманьош И. Политика личной безопасности и военной защиты великих русских князей в средневековье: Русские аналогии некоторым европейским «регифугиям». С. 166).

Если самый ранний, содержащийся в Троицкой летописи и дошедший до нас в составе Рогожского летописца рассказ о нашествии Тохтамышша (не позже начала XV в.) ограничивается только приведенной выше фразой, то в более поздней версии рассказа (в редакции, дошедшей в Новгородской четвертой, Новгородской Карамзинской и Софийской первой летописях, созданной в 30-е годы XV в.⁴³) дается иная трактовка событий.

«Слышав же великий князь таковую вѣсть, оже идеть на него самъ царь въ множествѣ силы своея, нача сбирати воя и съвокупляти плѣки своя и выеха из града Москвы, *хотя ити противу татаръ*». Однако возникло «не единачество и неимовѣрство» среди созванных Дмитрием «думоу думати» русских князей, воевод «з думцами», вельможей и «боляр старѣиших». «И то познавъ и разумѣвъ и рассмотрѣвъ, — пишет автор Повести, — благовѣрнии (князь. — В. Р.) бысть в недоумѣнии и в размышлении велицѣ, и убоися стати в лице противу самого царя. И не ста на бои противу его, и не подъя руки на царя, но поеха в градъ свои в Переяславль, и оттуду — мимо Ростова, и паки реку, *вборзѣ* на Кострому»⁴⁴. Любопытно употребленное книжником определение «вборзѣ»: тем самым как бы создается эффект быстрого перемещения, настоящего бегства великого князя из города в город.

С точки зрения автора пространной повести о нашествии Тохтамышша, поступок Дмитрия Ивановича был весьма предосудительным. После бегства Дмитрия Донского «...во граде Москве бысть замятня велика и мятеж великъ зѣло, — пишет летописец, — бяху людие смущени, *яко овца, не имуще пастуха*, гражданстии народи възмятошася и въсколибашася, *яко пьяни...*»⁴⁵. Что и говорить, с позиций христианской этики (опирающейся в данном случае, прежде всего, на евангельское слово: «...пастырь добрый, душу свою полагаетъ за овця, а наемникъ иже нѣсть пастырь, емоу не соутъ овця своя, видить волка грядуща и оставляетъ овця и бѣгаетъ, и волкъ расхтитъ и распудитъ овця»⁴⁶) Дмитрий поступил не так, как должно, и по сути нарушил правила поведения князя-пастыря.

В конце повествования летописец вновь вернулся к теме бегства великого князя. «Сиде же бысть конецъ Московьскому плѣнению. Не токмо же едина Москва взята бысть, но и прочии града и страны плѣнени быша», — написал книжник. «Князь же великий, — повторил он уже констатированный в начале рассказа факт, — *съ княгинею и съ дѣтми пребысть на Костромѣ*, а брат его Володимеръ на Волоцѣ, а мати Володимерова и княгини в Торжѣку, а Герасимъ владыка Коломенский в Новѣгородѣ». И далее, как представляется, поступку Дмитрия была дана еще более негативная характеристика: «И кто насъ, братье, о семь не *устрашитсѣ*, видя таковое смущение Руской земли?! Яко же Господь глагола пророкомъ: *аще хоцете послушаете мене, благаа земнаа снѣсте, и положю страх вашъ на вразех ваших; аще ли не послушаете мене, то побѣзнете никим же гоними, пошлю на вы страх и ужасъ, побѣзнет васъ от пяти сто, а от ста — тма* (вариант: *тысяща — В. Р.*)»⁴⁷.

В данном случае книжник несколько переиначил фразу из уже цитированной выше Книги Левит. Помимо слов о наказаниях за неисполнение заповедей Божиих, в ней говорится и о

⁴³ См.: Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 69–70; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 149–160.

⁴⁴ ПЛДР: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 192. Ср.: ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 328; СПб., 1853. Т. 6. С. 99.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 328. Ср. в Софийской первой: «яко овцы не имуще пастыря» (ПСРЛ. Т. 6. С. 99).

⁴⁶ Ин. 10: 11–12 (Геннадиевская Библия // Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе в десяти томах. М., 1992. Т. 7. С. 330). Ср.: в «Слове о законе и благодати»: «...пастырю добрый, положивый душу за овце», в Остромировом Евангелии: «...пастоухъ добрый доушою своя полагаетъ за овця» (цит. по: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 886, 887).

⁴⁷ ПЛДР: XIV — середина XV века. С. 202. Ср.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 337. См. подробнее: Рудаков В. Н. Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского (Бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 15–27.

благодатях, которые будут даны тем, кто соблюдает заповеди. «Аще въ повелѣннихъ ходите и заповѣди моя снабдите и сътворите их... вселитесь без страха на земли вашей и рать не пройдетъ сквозѣ землю вашу... и поженете врагы ваша, и падуть предъ вами оубоемъ, и поженуть от васъ пяти — сто, а сто васъ поженет тму и падуть врази ваши предъ вами мечемъ»⁴⁸.

Таким образом, автор пространной повести о нашествии Тохтамыша недвусмысленно дает понять: Дмитрий нарушил некие «заповеди», «не послушал» Господа и за его личные прегрешения последовало неминуемое наказание.

Негативные оценки со стороны книжников получали и «бѣгуны» XV в. В 1408 г. во время нашествия Едигея (в отличие от Тохтамыша, он был не «царем», а всего лишь темником) бегством, причем, в ту же Кострому, спасался сын Дмитрия Донского Василий Дмитриевич. «Василей же не успѣ ни мало дружины събрати, град осади; в нем же остави дядю своего князя Володимера и брата князя Андрѣя и воеводы, а сам съ княгинею и з дѣтми отѣха къ Костромѣ», — сообщает автор летописной Повести о нашествии Едигея (30-е годы XV в.⁴⁹). «И смятесе град ужасным смятением», — добавил он. Люди же, оставшиеся в осажденной Москве, поняв, что им нечего ждать спасения, «помятующе (царя. — В. Р.) Давыда, еже пиша, рече: “Добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя”»⁵⁰.

В 1480 г. от нашествия хана Ахмата бегством на Белоозеро спасалась великая княгиня Софья Палеолог⁵¹. «Тое же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, — с нескрываемым презрением сообщал летописец в завершении рассказа о «стоянии на Угре», — бѣ бо бѣгала за Белоозеро и з боярынями от Татарь, а не гонима никым же; и по которым странам ходила, тѣм стало пуще Татарь от боярьских холопов, от кровопивцевъ крестьянскихъ»⁵².

Вероятно, уже в XV в. происходит важная трансформация в восприятии княжеских побегов. Судя по всему, в этот период бегство князя начинает восприниматься как действие, недостойное, в первую очередь, его «пастырского» статуса. Неслучайно, именно в этот период появляется «распространенная» повесть о нашествии Тохтамыша, в которой находившиеся в городе москвичи сравнивались с овцами, оставшимися без пастуха. Тогда же — во второй половине XV в. — создается и Повесть о взятии Царьграда турками: в ней жители осажденного Константинополя неоднократно обращаются к «цесарю Константину» с просьбой покинуть осажденный османами город, чтобы спасти свою жизнь. И каждый раз Константин отказывается: «како аз се сътворю и оставлю священство, церкви Божия и цесарство и всих людей?... да умру здѣ с вами!». Вместо того, чтобы бежать, он объезжает город, ободряя защитников Константинополя, «дающе им надѣжу Божию»⁵³.

А в конце XV в. в летописном рассказе о стоянии на Угре уже прямо звучит призыв к великому князю «стоять крѣпко за православное христьянство противу бесерменству»⁵⁴. Тогда же великокняжеский духовник Вассиан Рыло прямо формулирует «норматив» княжеского поведения. В «Послании на Угру» он пишет Ивану III: «пастырь добрый, душу свою полагает

⁴⁸ Лев. 26: 3–8 (Острожская Библия. Л. 130–131).

⁴⁹ Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 69–70. Ср.: Гребенюк В. П. Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы I половины XV века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 64–71.

⁵⁰ ПЛДР: XIV — середина XV века. С. 250, 252. Ср.: «благо есть уповати на Господа неже уповати на князя» (Пс. 117: 9) (Геннадиевская Библия // Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе в десяти томах. М., 1997. Т. 4. С. 279). Ср. также: ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 157. Составитель Московского летописного свода конца XV в. добавляет: «князь великий Василей Дмитриевич не сталъ на бои противу Татарь, но отѣха вборзѣ на Кострому» (ПСРЛ. М.; Л., 1949 (репринт — М., 2004). Т. 25. С. 238). См. также: Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 34–41.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 269. См. также: Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. С. 174–183.

⁵² ПСРЛ. Т. 25. С. 328.

⁵³ ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 234.

⁵⁴ Там же. С. 514.

за овца, а наемник нѣсть, иже пастырь, ему же не суть овца своя, видит волка грядуща, и оставляет овца, и бѣгаетъ... яко наемникъ есть, и не радит об овцах». «Ты же убо государю, духовный сыну, — продолжает духовник, — не яко наемник, но яко истинный пастырь, подиися избавити врученное тебѣ от Бога словесное ти стадо духовныхъ овецъ от грядущаго волка»⁵⁵. Вассиан гневно осуждает тех «ближних» великого князя, кто пытается «соблазнить» Ивана III покинуть врученную ему Богом паству. Эти люди, пишет Вассиан, призывают князя, «предав христианство и свое отечество, яко бѣгуном скытатися по иным странам». В устах Вассиана князь-«бѣгун» рискует снискать гнев Божий за свое пренебрежение пастырскими обязанностями. Поэтому архиепископ, призывая великого князя остаться в городе, одновременно пугает и укрепляет его. «Убойся же и ты, о пастырю, не от твоих ли рукъ тѣхъ кровь взыщеть Богъ, по пророческому словеси? И гдѣ убо хоцещи избѣжати или воцаритися, погубив врученное ти от Бога стадо?» — задает риторические вопросы владыка. «Отложи весь страх и возмогай о Господѣ, о державѣ и крѣпости его; “един бо поженет тысячу, а два двигнет тмы”», — призывает он⁵⁶.

Очевидно, что Вассиан в данном случае дал совершенно четкую оценку произошедшего: для него бегство перед лицом врага — это естественное поведение людей, поступивших недолжным образом, не «по заповедям». Собственно, процитированный в самом начале статьи князь Андрей Курбский при оценке бегства из Москвы Ивана Грозного, судя по всему, имел в виду именно это.

Таким образом, можно говорить о том, что к XVI в. завершается формирование принципиально нового восприятия функций главы государства (князя, царя), который, будучи пастырем своих подданных, должен находиться с ними и защищать их в случае возникновения угрозы со стороны «бусурман». Важно отметить, что это происходит на фоне двух параллельно развивающихся процессов: с одной стороны, осознания богоизбранности Руси и, соответственно, особой роли ее главы в деле защиты православной веры и самой Русской земли; с другой стороны, переосмысления роли ордынцев, которые сначала воспринимались как ниспосланный свыше карающий «меч Господень», а со временем стали восприниматься как «слуги дьявола», бороться с которыми (а не бежать от них!) и должно было стать одной из важнейших функций главы православного государства⁵⁷.

---

⁵⁵ Там же. С. 524.

⁵⁶ Там же. С. 526.

⁵⁷ Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV вв. С. 164–176.